

OSHO

100 миллионов
читателей

ДЕТИ ВСЕЛЕННОЙ

Как оставаться человечным в расколотом мире
Беседы по «Дезидератам»

ОШО

Путь мистика

Бхагаван Раджниш (Ошо)

**Дети вселенной. Как оставаться
человечным в расколоте мире**

ИГ "Весь"

УДК 159.9
ББК 86.39

Раджниш (Ошо) Б. Ш.

Дети вселенной. Как оставаться человечным в расколоте мире /
Б. Ш. Раджниш (Ошо) — ИГ "Весь", — (Путь мистика)

ISBN 978-5-9573-0388-6

В цикле бесед, представленных в этой книге, в центре внимания Ошо - небольшой документ «Дезидераты», автором которого считается поэт Макс Эрманн. «Дезидераты», или «Наставления» (так переводится это слово с латыни) - простые высказывания, адресованные тем, кто только начинает свое путешествие в мир истины. Комментарии Ошо придают им особое звучание, заставляя более отчетливо и ясно проявиться истине, пришедшей к нам через эти несколько десятков строк. Во времена политических, культурных и религиозных раздоров Ошо, обращаясь к тексту «Дезидерат», напоминает нам о том, насколько важно снова почувствовать свою связь с целым, о том, что каждый из нас является частью Существования, что все мы - дети одной и той же Вселенной.

УДК 159.9
ББК 86.39

ISBN 978-5-9573-0388-6

© Раджниш (Ошо) Б. Ш.
© ИГ "Весь"

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Ошо

Дети вселенной. Как оставаться человечным в расколотом мире

Глава 1 Иди безмятежно

*Внемли тогда мудрости мудрого:
Иди безмятежно среди шума и суеты и помни, что в тишине может
быть покой.
Насколько возможно, без уступки, будь в ладу со всеми людьми.
Говори свою правду спокойно и ясно и слушай других, даже глупца и
невежду; у них тоже есть своя история.*

Сегодня мы вступаем в один из самых прекрасных миров, в мир небольшого документа, называемого *Дезидераты*. Он необычен, потому что много раз появлялся и много раз исчезал, и поэтому никто точно не знает, кто его написал. Истина обладает способностью появляться снова и снова; из-за человеческой же глупости она вновь и вновь теряется.

Дезидераты – это, по-видимому, один из самых древних из доступных сегодня текстов, но авторские права на него принадлежат поэту Максу Эрманну. В его книге стихов текст представлен как написанное им стихотворение и защищен авторским правом в 1927 году в Америке, хотя в первом издании поэт говорит о легенде, согласно которой этот маленький документ был обнаружен на доске, установленной в Церкви Святого Павла в Балтиморе, когда она была построена в 1692 году, – но позже доска была разрушена. Теперь уже нельзя доказать, был ли он начертан на доске в Церкви Святого Павла, или нет. Легенда сохранилась, она продолжает существовать. Похоже, у Макса Эрманна было видение – документ явился к нему как видение. На самом деле он не был его автором, а только проводником, медиумом.

Это произошло и со многими другими текстами. Это произошло с «Голосом безмолвия» Блаватской: ее знают как автора этой книги, но книга эта очень древняя. Она открыла ее в медитациях, книга ей явилась.

Многие части книги «Так говорил Заратустра» Фридриха Ницше также очень древние, и то же самое верно для «Рубайата» Омара Хайяма. К этой же категории принадлежит «Свет на пути» Мэйбл Коллинз, а также «Пророк» Халила Джебрана.

Я просмотрел все стихотворения Макса Эрманна, но ни одно из них не обладает тем же самым качеством – ни одно. Если *Дезидераты* были написаны им, то тогда потоком должно было хлынуть еще много стихотворений с тем же самым качеством. Этого не произошло. На самом деле «Дезидераты» настолько отличаются от всех прочих его стихотворений, что невозможно поверить, что они созданы одним и тем же человеком.

То же самое верно для «Света на пути» Мэйбл Коллинз. Это странные произведения. Есть вероятность, что они существовали всегда – появляясь и снова исчезая из виду; истина неизменно обнаруживает себя... Всякий раз, когда появляется чувствительная душа, восприимчивый человек, истина снова начинает течь через него. И конечно, человек думает: «Это пишу Я».

Именно вследствие этого факта неизвестны имена авторов Упанишад; никто не знает, кто их написал, потому что люди, которые их восприняли, были очень бдительными и осознанными. Они были мистиками, не только поэтами.

Между поэтом и мистиком есть различие: когда что-то происходит с мистиком, он отлично осознает, что это свыше, что это не от него. Он испытывает огромную радость, он наслаждается тем, что был избран в качестве проводника, в качестве посредника, но его это не может заявить на это свои права. На самом деле вы становитесь мистиком только после того, как вы отбросили эго. Поэт же полон эго – не всегда, но почти всегда. Изредка, когда он забывает свое эго, он прикасается к тому же самому миру, что и мистик; но мистик *живет* в этом мире. У поэта это изредка случается как проблеск, а поскольку эго его не мертво, он немедленно объявляет это своим творением. Но все древние провидцы об этом знали.

Известно, что Веды, Библия, Коран, эти три величайших в мире священных писания, не были никем написаны. Веды известны как *апауришея* – не написанные каким-либо человеком. Конечно, кто-то их написал, но они – от Бога, свыше, из какого-то неизвестного источника. Мистик становится одержим ими, он танцует под их мелодию. Он больше не является самим собой – он есть *это*. У поэта изредка случается проблеск этого, отдаленный проблеск.

В санскрите у нас есть два слова, обозначающие поэта; такого нет ни в одном другом языке, потому что только в этой части мира пришли к осознанию, очень ясному осознанию этого факта. На санскрите одно из слов – *кави*. *Кави* как раз и означает «поэт». Другое слово – это *риши*; *риши* означает «поэт-мистик». Различие огромно. Поэт обладает глубоким эстетическим чувством, он очень чувствителен, он может проникнуть в самую суть вещей. У него иной, чем у ученого, способ познания. Он не анализирует, он любит; любовь его велика, но его эго живо. Поэтому, когда он смотрит на цветок розы, он подходит к нему ближе, чем ученый, потому что ученый немедленно начинает анализировать цветок, а анализировать что-либо – значит убить это. Сама попытка познать – это попытка убить.

Поэтому все то знание, которым обладает наука, это знание о мертвых вещах. Сегодня даже ученые начинают осознавать этот факт. Когда из вашего тела берут кровь и анализируют, исследуют ее, это больше не та же самая кровь, какой она была, когда циркулировала в вашем теле. Тогда она была живой, тогда она была органической частью вашей жизни. Сейчас она не та же самая. Точно так же как ваша рука или ваш глаз: когда он является частью органического единства вашего тела, он может видеть, но выньте его – и он мертв, он не видит. Он больше не живой, он что-то другое, он труп.

Величайшие ученые начинают сознавать тот факт, что все то, что мы до сих пор узнали, в своей сущности, в своей основе неверно. Мы знаем только о мертвом – живое мы упускаем. Вот почему наука не может сказать, что в вас есть что-то помимо тела, что-то большее, чем тело. Наука не может сказать, что вы больше, чем общая сумма ваших частей, а если вы не нечто большее, чем общая сумма ваших частей, то вас нет. Тогда вы лишь машина – может быть, очень сложная, но это не имеет значения. Вы компьютер, у вас нет души, вы лишь побочный продукт, внешнее явление. У вас нет никакой осознанности, вы – лишь поведение.

Наука сводит человека даже не к животному – к машине, помните это. Прошли те дни, когда ученые, такие как Чарльз Дарвин и прочие, думали, что человек – это не что иное, как еще одно животное. Сейчас Скиннер, Дельгадо, Павлов не говорят, что человек это еще одно животное, – поскольку нет ни души, ни жизни, ни сознания, – они говорят, что человек – это еще одна машина.

Религия утверждает, что человек больше, чем тело, больше, чем ум, но наука не может в это поверить из-за самой своей методологии. Тот способ, которым она пытается познавать вещи, мешает ей проникнуть глубже, чем материальное, глубже, чем мертвое.

Поэтому поэт подходит к цветку ближе, чем ученый. Поэт не анализирует цветок, он влюбляется. Он испытывает огромную радость, он наслаждается цветком, и из этой радости рождается песня. Но он все еще далек от мистика, *риши*. Мистик становится единым с цветком. Наблюдатель становится наблюдаемым, различие исчезает.

Вот что однажды случилось.

Рамакришна с несколькими своими учениками переправлялся через Ганг в небольшой лодке. Неожиданно на середине реки он начал кричать:

– Почему вы меня бьете?

Ученики были озадачены. Они сказали:

– Парамаханса Дэва, что ты говоришь? Мы, и бить тебя?!

Рамакришна сказал:

– Смотрите!

Он обнажил свою спину, и на ней были отметины, как если бы кто-то сильно избил его палкой. Сочилась кровь.

Ученики недоумевали. Что произошло? И тогда Рамакришна указал на другой берег: там несколько людей избивали человека. Когда ученики с мастером достигли другого берега, они подошли к этому человеку и обнажили его спину – отметины были в точности такими же, как на спине Рамакришны, без какого-либо различия, в точности такими же! Рамакришна стал единым с человеком, которого били. Он не был наблюдателем, он не был отдельным; он стал единым с наблюдаемым.

Таково значение английского слова «эмпатия». Поэт знает, что такое симпатия, мистик знает, что такое эмпатия. Когда поет мистик, у его песни совершенно иной аромат, иная красота, потому что это не отдаленный проблеск истины – мистик внутри истины, в самой ее сердцевине.

Но здесь необходимо многое понять. Может оказаться, что мистик вообще не сможет петь, так как он становится настолько единым с истиной, что может забыть спеть песню. Это случалось со многими мистиками – они не сказали вообще ничего. Это как если бы вы спросили сахар... скорее всего, сахар не сможет сказать, что он сладкий. Чтобы узнать сладость сахара, необходимо быть от него отличным. Мистик же становится сахаром.

Изредка мистик оказывается также и поэтом. Это совпадение. Всякий раз, когда это происходит – как в случае Лао-цзы, Заратустры, Магомета, – нам становится доступно нечто высшее. Но мистик необязательно является поэтом; быть поэтом – это другой талант. Можно быть мистиком, не будучи поэтом; можно быть поэтом, не будучи мистиком.

Когда мистик оказывается поэтом, рождаются Упанишады, рождается Шримад Бхагавад-гита, появляется Коран. Но так происходит не всегда. Очень часто случалось, что истине приходилось находить свой путь через поэта, поскольку мистика в тот момент не было.

Именно так случилось с этим небольшим документом – *Дезидератами*. Похоже, не оказалось мистика, который мог бы спеть эту песню, и в качестве проводника был выбран Макс Эрманн – но он не осознающий человек. Он думает, что пишет стих сам; этот стих не его, под ним нельзя поставить ничьей подписи. И если вы вчитаетесь в этот маленький документ, вы поймете, что он не может исходить от поэта. В нем есть то же качество, что и в Коране, то же качество, что и в Упанишадах.

Этот документ необычен также и потому, что в таком небольшом объеме сказано так много. По сути, он состоит из сутр – лишь несколько намеков. Ничто не говорится достаточно определенно: лишь намеки, пальцы, указывающие на Луну. Документ настолько мал, что после смерти Адлаи Стивенсона в 1965 году обнаружили, что он намеревался разослать *Дезидераты* своим друзьям в качестве открытки к Рождеству. Их можно напечатать на небольшой карточке, на почтовой открытке, но в них содержится бесконечность – капля росы, в которой заключены все океаны.

Этот текст может оказать вам огромную помощь в пути, и поэтому я называю его «Духовным руководством». Он начинается так:

Внемли тогда мудрости мудрого...

Иисус снова и снова говорил своим ученикам: «Имеющий уши, да услышит. Имеющий глаза, да увидит». Он говорил это так много раз, как будто считал, что у людей нет ни ушей, ни глаз. Это также и мой опыт: у вас *у всех* есть глаза, но очень немногие люди способны видеть. У вас *у всех* есть уши, но редко, очень редко, можно встретить человека, который способен слышать, – потому что, когда вы просто слышите слова, это не слушание, а когда вы просто видите какие-то фигуры, это не видение. Пока вы не понимаете значения, содержания, пока вы не слышите безмолвия, которое является душой слов, вы не слышали.

Слушать нужно в глубоком молчании, в глубокой *агнозии*. Вспомните смысл слова Дионисия «агнозия»: состояние незнания. Если вы знаете, то само ваше знание является помехой. Вы не слышите. Вот почему пандиты, ученые, не способны слышать: они переполнены всяким вздором, их ум постоянно болтает внутри. Может быть, они декламируют *шастры*, священные писания, но это ни о чем не говорит; все, что происходит внутри, не имеет ценности.

До тех пор пока вы не станете абсолютно безмолвными – когда ни одна мысль не шевелится внутри вас, когда нет ни малейшей ряби на поверхности сознания, – вы не сможете слышать. А если вы не сможете слышать, тогда все, что вы, по вашему мнению, слышите, будет неправильным.

Именно так был неправильно понят Иисус, был неправильно понят Сократ, был неправильно понят Будда. Они говорили очень ясно. Невозможно улучшить высказывания Сократа; его высказывания очень ясные, почти совершенные, настолько совершенные, насколько может быть совершенным язык. Высказывания Будды очень простые – в них нет сложности, – но, тем не менее, возникает неправильное понимание.

Откуда появляется это неправильное понимание? Почему все великие пророки, *тиртханкары*, все великие просветленные мастера во все эпохи были поняты неправильно? По той простой причине, что люди не могут слышать. У них есть уши, поэтому они полагают, что способны слышать. Они не глухие, у них есть органы слуха, но между ушами у них очень шумно, между ушами у них располагается ум, который интерпретирует то, что говорится, сравнивает, анализирует, спорит, сомневается. Люди теряются во всех этих процессах.

Лишь одно короткое слово, и понаблюдайте за тем, что происходит с вашим умом, – даже не слово, лишь один звук. Вот пролетает самолет... понаблюдайте за своим умом. Вы не можете просто слушать, вы начинаете думать о многих вещах. Может быть, он напомнил вам о ваших собственных путешествиях, о друге, погибшем в авиакатастрофе, о том, кого вы очень любили, – так много воспоминаний связано с этим человеком... и вы погружаетесь в эти воспоминания. Одно воспоминание следует за другим, и вот вы уже не *здесь-и-сейчас*. Вы не слушаете, как пролетает самолет. Этот самолет просто запустил внутри вас некий процесс – возник поток мыслей, воспоминаний, желаний. Возможно, неожиданно вам пришло в голову: «Как бы было здорово, если бы у меня был собственный самолет». А может быть, вы просто подумали: «Опять мне мешают! Этот шум меня отвлекает. Я сидел в тишине, а тут прилетел этот дурацкий самолет!»

Вам мешает не самолет, вам мешает ваш собственный ум. Это ум считает его помехой, беспокойством, называет дурацким самолетом. Если вы его никак не называете, то ничто не беспокоено. Если вы просто прислушиваетесь к звукам, то обнаружите нечто удивительное: они углубляют ваше безмолвие, они совсем не отвлекают. Когда они исчезают, вы спускаетесь в долину безмолвия, которая еще глубже, чем та, в которой вы были до этого.

Отсюда первые слова в *Дезидератах*:

Внемли тогда мудрости мудрого...

Странное начало, особенно для западного поэта, американского поэта. Именно так начинаются все восточные сутры. Есть лишь небольшое различие, и оно, по-видимому, происходит

из-за того, что медиум – западный человек. Он не смог в точности передать то, что происходило в его внутреннем существе.

Все великие восточные сутры начинаются со слова «сейчас». *Атхато брахма джигьяса*. Так начинаются Сутры Брахмы: «Сейчас исследование Предельного», – не «тогда», но «сейчас». Так же начинаются Сутры Бхакти Нарады: *Атхато бхакти джигьяса*, «Сейчас исследование мира преданности». Это никогда не «тогда», это всегда «сейчас». На самом деле «тогда» не существует, существует только «сейчас».

«Там» не существует, существует только «здесь». Вы никогда и нигде не найдете «тогда» и «там». Куда бы вы ни пошли, вы всегда найдете «сейчас» и «здесь». Если бы это пришло через мистика, там стояло бы не «тогда», там стояло бы «сейчас»: «Внемли *сейчас* мудрости мудрого...»

И в этом больше смысла.

Но логический ум функционирует по-другому, и когда вы используете в качестве инструмента логический ум, он вносит кое-какие изменения: «тогда», «следовательно»... «Сейчас» никогда не является частью логического ума, «сейчас» – это часть медитативного ума. Поскольку Эрманн не медитирующий человек, не мистик, он ошибся с этим словом. Он говорит:

Внемли тогда мудрости мудрого...

Просто замените «тогда» на «сейчас» и посмотрите, как полностью изменяется качество: «Внемли *сейчас* мудрости мудрого...» – потому что нет иного времени, кроме «сейчас», и нет иного пространства, кроме «здесь». «Тогда» и «там» – это часть нашего шумного ума. Когда шум прекращается и ум отброшен, что остается? Только *здесь-и-сейчас*.

Свами Рамтиртва часто рассказывал одну красивую историю.

Жил один очень известный атеист, который постоянно выступал против Бога. На стене своей гостиной он написал большими золотыми буквами: «God is nowhere» («Бога нет нигде»). Потом у него родился ребенок. И вот однажды он играл со своим ребенком, который в то время уже учился читать. Он не мог прочитать такое длинное слово – «nowhere» («нигде») – и разделил его на два. Ребенок прочитал это предложение так: «God is now-here» («Бог здесь-и-сейчас»). «Nowhere» («нигде») было слишком длинным словом; он разделил его на два: «now-here» («здесь-и-сейчас»).

Должно быть, для атеиста это был редкостный момент. В действительности, когда вы играете с ребенком, вы забываете о своей серьезности, вы забываете о своих идеологиях, вы забываете о своей религии, вы забываете о своей философии, вы забываете о своей теологии. Когда вы играете с ребенком, вы становитесь в каком-то смысле медитативным, и поэтому игра с детьми обладает огромной ценностью. Играя с ребенком, вы на мгновение становитесь ребенком. Вспомните, Иисус снова и снова повторял: «Пока не станете как дети малые, не войдете в мое Царство Божье».

В тот момент что-то произошло. Ребенок сказал: «Бог здесь-и-сейчас», – и отец был застигнут врасплох. Он слышал это и, как и его сын, находился в игривом настроении. Вы не можете спорить с маленьким ребенком, говоря: «Бога нет». Поскольку он был игривым, безмолвным, радостным, это утверждение, произнесенное ребенком, стало чем-то невероятно важным, наполнилось огромным смыслом, как если бы через него говорил Бог.

Атеист впервые по-другому взглянул на стену. Всю свою жизнь он смотрел на это утверждение. Там никогда не было написано: «Бог здесь-и-сейчас», там всегда было: «Бога нет нигде». Он никогда не думал о том, что «нигде» может быть разделено на «здесь-и-сейчас»,

что «нигде» состоит из «здесь-и-сейчас». Он пережил трансформацию. Это стало почти переживанием сатори. Он больше не был атеистом.

Люди были озадачены. Они не могли поверить в то, что произошло, потому что у него было так много доказательств против существования Бога, и он так убедительно это аргументировал. Что случилось? Когда его спросили об этом, тот просто пожал плечами. Он сказал: «Я могу понять, почему вы выглядите такими озадаченными. Я и сам в недоумении. Спросите этого ребенка – это он все натворил. Когда я услышал от него это утверждение, во мне что-то изменилось. Что-то было трансформировано во мне, когда я смотрел в глаза ребенку. И я теперь другой человек не только логически, но также и экзистенциально. С тех пор я стал видеть Бога *здесь-и-сейчас*. В ветре, шумящем в деревьях, в дожде, падающем на крышу, я слышу звук его шагов, я слышу его песню. Поют птицы, и это – напоминание мне, что Бог *здесь-и-сейчас*. Встает солнце, и это – напоминание мне, что Бог *здесь-и-сейчас*. Теперь это больше не вопрос аргументации, это стало моим личным опытом».

Но ум всегда несется куда-то еще. Он никогда не *здесь-и-сейчас*, он всегда *там-и-тогда*. Ум существует только в *там-и-тогда*. Вот почему Макс Эрманн это упустил. Он говорит: «Внемли тогда...» «Тогда» выглядит более логичным, но оно не экзистенциально. «Сейчас» экзистенциально, хотя и очень нелогично – потому что вы не можете ухватить «сейчас» с помощью логики. В тот момент, когда вы думаете, что ухватили его, оно уже ушло, оно уже стало прошлым. Вы можете быть в «сейчас», но вы не можете пытаться понять, *познать* «сейчас». К тому времени, когда вы попытаетесь понять, его больше не будет. Оно подобно непрерывно текущей реке.

Гераклит говорит: «Нельзя войти в одну и ту же реку дважды». А я говорю вам: нельзя войти в одну и ту же реку даже единожды, потому что в тот момент, когда ваша стопа касается поверхности реки, вода в глубине проносится мимо. Когда ваша нога погружается в воду, на поверхности уже другая вода – она стремительно проносится мимо. К тому моменту, когда вы упираетесь в дно реки, утекло так много воды, что вы не прикоснулись к одной и той же воде даже единожды!

И такова жизнь: кроме изменения, ничто не постоянно. Только изменение вечно. Это выглядит парадоксально; вот почему я говорю, что это нелогично.

Внемли тогда мудрости мудрого...

Странная фраза: по сути, «мудрость мудрого» кажется тавтологией. Конечно, мудрость может быть только у мудрого. Какой смысл это повторять? Зачем говорить «мудрость мудрого»? Может ли мудрость быть также и у немудрого? Есть очень тонкий момент, который необходимо понять, потому что в мире так много знающих людей, и знающий человек производит почти такое же впечатление, как если бы он был мудрым, но все же он им не является. Он изъясняется точно так же. Ученый, который всю свою жизнь изучал Шримад Бхагавадгиту, говорит на том же языке, что и Кришна. Но когда говорит Кришна, это мудрость мудрого, а когда говорит ученый, пандит, это не мудрость мудрого, это мудрость немудрого. Это всего лишь знание, это совсем не мудрость. Как это может быть мудростью?

Запомните различие между знанием и мудростью. Знание – это фальшивая монета. Знание дается легко, его можно позаимствовать у кого угодно. Вы можете пойти в университет, в библиотеку, вы можете спросить у знающих людей, и вы можете его накапливать. Оно очень дешево. Ради него не нужно претерпевать какую-либо трансформацию, вам не нужно перерождаться. Вы останетесь такими, какие вы есть, а знание будет накапливаться. Оно будет к вам добавлено, но оно не будет иметь никакой ценности, потому что вы останетесь прежними. В действительности, это может даже быть опасно. Это обманет других, они будут думать, что вы знаете. А если многие люди думают, что вы знаете, вы можете впасть в самообман. Вы,

возможно, тоже начнете думать: «Как столько людей может ошибаться? Если они думают, что я знаю, значит, я знаю».

Я слышал одну историю.

Некий журналист умер и попал на небеса. Святой Петр открыл врата рая и сказал ему:

– Извините, но наша квота для журналистов исчерпана. У нас на небесах может находиться только двенадцать журналистов, не больше. Даже у этих двенадцати почти никогда не бывает работы, потому что здесь нет новостей. Ничего не происходит!

Что может случиться на небесах? Ни беспорядков, ни изнасилований, ни политиков, ни падения правительства, ни разводов, ни убийств. Здесь ничего не происходит! Джордж Бернارد Шоу определил новость так: «Если собака кусает человека, это не новость, но если человек кусает собаку, то тогда это новость». Ну а на небесах кто станет кусать собаку и зачем? Во-первых, где вы найдете на небесах собаку? А уж человека, который укусит собаку, будет найти почти невозможно. Так что там нет газет. Возможно, по утрам там просто раздают чистые листы бумаги, святые сидят, смотрят на эти пустые листы и очень радуются, что ничего не случилось, – и хорошо. Ничего всегда лучше, чем что-то.

Поэтому Святой Петр сказал:

– Пожалуйста, идите в ад. Там тысячи журналистов и сотни газет, и так много новостей!

Но журналист стал возражать, как обычно и поступают журналисты. Он заявил:

– Нет. Пожалуйста, дайте мне хотя бы двадцать четыре часа. Если я смогу убедить какого-нибудь журналиста отправиться в ад, тогда одно место станет вакантным, и вы сможете отдать его мне – в противном случае я отправлюсь в ад. Всего лишь двадцать четыре часа.

Святой Петр понял, что в этом есть логика, и согласился:

– Хорошо, можете попробовать.

И журналист попробовал. А журналисты – специалисты по лжи. Правда – не их занятие, правда не может быть их занятием, потому что правда очень проста и очень незамысловата. Вы не можете сделать из нее никакого газетного материала, в ней нет ничего особенного, это просто то, что есть. А ложь очень запутана, и вы можете сделать из нее множество сюжетов, можете постоянно создавать газетные материалы, переходя от одной истории к другой. Но в качестве основы вам нужна ложь, а не правда.

Все искусство журналистики – это искусство лгать таким образом, чтобы люди думали, что это правда. Так что он был специалистом. Он начал распространять слухи. Едва появившись в раю, он начал говорить людям: «Вы слышали, что в аду создается новая газета, очень большой проект? Требуется главный редактор с огромным окладом и со всеми льготами. Требуется заместители редактора, требуются репортеры». И за двадцать четыре часа он пустил столько слухов на эту тему, что, когда он вернулся и спросил Святого Петра, не отправился ли какой-нибудь журналист в ад, Святой Петр закрыл перед ним врата и сказал:

– Ты сделал это! Теперь тебе уйти нельзя. Все двенадцать сбежали! А у нас должен быть хотя бы один журналист на тот случай, если когда-нибудь что-нибудь произойдет. Поэтому теперь я не могу тебя выпустить.

Журналист пришел в ярость. Он сказал:

– Это неправильно, это противоречит нашему соглашению. Я просил только двадцать четыре часа. Я хочу отправиться в ад!

Святой Петр удивился:

– Почему? Зачем? Ведь это же *ты* распространил эти слухи. Это же сплошная ложь, ты это придумал!

Репортер ответил:

– Да, я это придумал – но, должно быть, в этом что-то есть, раз в это поверили двенадцать журналистов. Должно быть, в этом что-то есть! Возможно, просто совпадение, что я это

придумал, а в это самое время действительно создается большая газета. Я не могу здесь оставаться! Если двенадцать человек в это поверили... во мне возникло большое сомнение. Может быть, это вовсе не было ложью.

Вы можете испытать это в собственной жизни. Расскажите какую-нибудь неправду нескольким людям, и, когда они начнут в нее верить, вы, к своему удивлению, постепенно-постепенно начнете верить в нее сами. Поэтому я говорю, что многие люди живут во лжи, прекрасно зная, что это ложь, но лишь потому, что так много людей верит... разве может ошибаться столько людей?

Однажды Джордж Бернард Шоу сделал заявление, которое впоследствии опроверг. Он был замечательным человеком; его понимание было превосходным во многих отношениях. Он сказал, что вся наука заблуждается. Земля не вращается вокруг Солнца, наоборот, Солнце вращается вокруг Земли – он заявил об этом своему другу. Друг сказал:

– Что за ерунду ты говоришь? Какие у тебя есть доказательства? Сейчас наука полностью доказала истину, и я не могу поверить, что такой человек, как ты, – такой умный, такой современный, – верит в такую бессмыслицу, что Солнце вращается вокруг Земли.

Бернард Шоу сказал:

– Да, Солнце вращается вокруг Земли. Ему приходится, потому что Бернард Шоу живет на Земле! Моя Земля не может вращаться вокруг Солнца.

Тот человек заметил:

– Но сегодня почти весь мир, так много людей, миллионы людей, верят, что Земля вращается вокруг Солнца.

Бернард Шоу ответил:

– Когда во что-то верит так много людей, я всегда подозреваю, что это, должно быть, ложь. Иначе как в это может верить столько людей?

Истиной всегда владели очень редкие люди. Только изредка встречается человек, обладающий истиной; основная масса людей живет во лжи, в самой разнообразной лжи. Но если ложь распространяется веками, она становится истиной.

Адольф Гитлер в своей книге «Майн Кампф» говорит, что различие между истиной и ложью – это лишь различие во времени, ничего больше. Истина – это ложь, которая распространялась в течение долгого времени, ложь – это новая правда, которая в конце концов станет истиной, если кто-нибудь будет продолжать ее распространять.

Вы верите в ад – вы когда-нибудь думали о том, что это ложь? Вы верите в небеса – вы когда-нибудь думали о том, что это ложь? Вы верите в тысячу и одну вещь, даже не задумываясь о том, что каждая из них может быть ложью, всего лишь ложью, которую вам передали другие люди. Ее передали вам авторитетные люди – ваши родители, ваши учителя, ваши священники, влиятельные люди, те, кто обладает властью, – и поэтому вы в нее верите. «Такие люди не могут лгать!» В действительности, такие люди *всегда* лгут, вся их власть зависит от лжи. Истина смиренна – не могущественна. Ложь становится очень могущественной, она очень конкурентоспособна. Каждая ложь – это политик, борющийся, сражающийся, старающийся доказать: «Я есть истина».

Знание – это не что иное, как ложь, которую вы почерпнули у других людей. Помните, что пока что-либо не является вашим собственным опытом, это – ложь. Истина должна быть вашим личным подлинным переживанием.

Будда говорит: «Не верьте только потому, что так говорю я; верьте, только когда вы знаете. Не верьте потому, что так написано в писаниях; верьте, только когда вы знаете».

И я тоже говорю вам, что если вы настоящий искатель истины, то вы не будете верить в знание. Знание очень поверхностно. Можно рассуждать о Боге, ничего не зная о Боге, не

имея никакого вкуса Бога. Можно рассуждать о любви, не имея никакого переживания того, что является любовью, – даже слепой может рассуждать о свете и объяснить вам всю физику света. Это не означает, что он не слепой, – он все еще слеп. Эти ученые, пандиты, аятоллы, имамы и священники – все они являются знающими людьми. Они *притворяются* мудрыми – они не мудрые.

Пока не наступит полное пробуждение, пока все существо не станет осознающим, пока вся темнота, вся бессознательность не исчезнет – вы не мудры. Знание – это информация, мудрость – это трансформация. Отсюда смысл фразы:

Внемли тогда мудрости мудрого...

– не «знающего» —

Иди безмятежно среди шума и спешки и помни, что в тишине может быть покой.

Очень значимая сутра. Именно так ищущий истину начинает свое путешествие. Первое – это: *иди безмятежно...* не создавай шума. Иди мирно... не поднимай много пыли. Нет необходимости.

Суфии говорят, что если вы действительно хотите молиться, молитесь так, чтобы никто не знал, что вы человек молитвы. Посреди ночи, когда даже ваша жена похрапывает, молча сядьте в постели и молитесь – так тихо, чтобы никто не узнал. Не поднимайте шума.

Настоящий человек молитвы прячется и молится, а фальшивый человек поднимает вокруг этого много шума. В сущности, молитва фальшивого человека – это просто шум и ничего больше; даже в храм он идет с криками. В Индии в каждом храме есть большой колокол; он звонит в этот колокол, чтобы знали все соседи. И если в храме много народу, то его молитва становится очень долгой; если же никого нет, то он быстро заканчивает. Какой смысл? Никто не видит. Если присутствует фотограф, то посмотрите, какой он набожный, каким одухотворенным становится его лицо! Если присутствуют репортеры, то он будет *действительно* молиться. Вы увидите его смирение, его простоту. Он упадет на землю, он будет кататься по земле, он будет плакать и рыдать – но это все крокодиловы слезы, потому что, когда рядом никого нет, ему на все наплевать.

Я слышал о человеке, который каждый вечер молился Богу, произнося лишь одну фразу. Он поднимал глаза к небу и говорил: «То же самое!» – а затем залезал под одеяло и засыпал. Какой смысл в том, чтобы каждый день снова и снова повторять одно и то же? Неужели Бог недостаточно умен, чтобы понять «то же самое»? Когда-то однажды он *действительно* помолился – какой теперь смысл повторять одну и ту же молитву снова и снова? Как бы то ни было, Бог ее уже знает. Просто чтобы напомнить ему: «Я молюсь», он произносит: «То же самое».

Суфии говорят: молитесь так, чтобы никто не знал. Почему? По той простой причине, что эго очень хитрое. Оно хочет хвастаться, оно хочет хвастаться даже религией, духовностью, молитвой, медитацией. Оно хочет хвастаться – чем угодно. Оно будет хвастаться деньгами, оно будет хвастаться медитацией, оно будет хвастаться властью, оно будет хвастаться молитвой. Эго хочет хвастаться: «Я делаю нечто особенное, нечто великое, нечто экстраординарное. Не думайте, что я ничтожество, – я важная персона!»

Иди безмятежно среди шума и спешки...

Мир полон шума и спешки. Почему мир так наполнен шумом? Потому что каждый ум создает шум, а мир состоит из умов. Вот почему в нем так много шума. Весь мир превратился в подобие сумасшедшего дома. Каждый кричит, и никто не слушает. Каждый разговаривает почти что сам с собой; другой человек – лишь повод.

Психолог наблюдал за двумя своими пациентами – оба были профессорами философии. И поскольку они были друзьями и сошли с ума, в сумасшедшем доме их поместили в одну палату. Психолог, наблюдавший за ними, был очень озадачен. Самое странное заключалось в том, что, хотя они оба были абсолютно помешанными, в одном они оставались очень разумными: когда один из них говорил, другой молчал; когда начинал говорить другой, замолкал первый. Это было странно – двое чокнутых! Почему они должны беспокоиться о том, молчит другой или нет, говорит он или нет? Его это заинтересовало.

И он спросил у них:

– Я весьма озадачен. Почему, когда один из вас говорит, другой замолкает?

Они ответили:

– Мы умеем вести беседу. Именно так мы делали, когда нас считали нормальными, – это просто старая привычка.

– На самом деле я не молчу, – сказал один из них. – Я только с виду молчалив, потому что знаю правила и нормы разговора. Внутри я болтаю, разговариваю, жду подходящей возможности, жду, когда этот дурак остановится, жду подходящего момента, когда он скажет что-нибудь, что я смогу использовать как предлог и начать говорить то, что хочу ему сказать.

В действительности, это то, чем вы все занимаетесь. Просто посмотрите на ваши разговоры: когда другой говорит, вы просто притворяетесь, что слушаете – лишь притворяетесь, что слушаете. Внутри вы заняты только самим собой. Затем вы находите слово, предложение, фразу, которые можете использовать в качестве трамплина, и тогда начинаете говорить *вы*. То, что вы говорите, никак не связано с тем, что сказал собеседник; это связано с тем, что происходит внутри вас, это непрерывный процесс внутри вас. Другой человек – это только повод.

Именно поэтому люди никогда не могут договориться – они *никогда не слышат* друг друга. Мужья никогда не слышат, что говорят их жены, жены никогда не слышат, что говорят их мужья, дети никогда не слышат, что говорят их родители. Никто не слышит; каждый, самое большее, притворяется, что слышит. Мир полон шума, потому что в мире полно сумасшедших умов.

Мир сможет стать по-настоящему безмолвным только тогда, когда в нем будет много, много медитирующих людей. Только когда мир будет состоять в основном из медитирующих людей, в нем установится глубокая тишина, почти осязаемая тишина. Вы сможете прикоснуться к ней, вы сможете ощутить ее благоухание.

Мы проживаем свою жизнь в шуме, каждый спешит. Все очень торопятся, все куда-то мчатся. Никто не знает, куда, никто не знает, зачем, – просто глубокая потребность куда-то двигаться. Вы не можете сидеть; если вы сядете, окружающие вам этого не позволят. Они скажут: «Ну что ты сидишь, делай что-нибудь!» А я говорю вам: «Не делайте ничего, сидите!» Ничего лучше, чем что-нибудь. Но люди говорят прямо противоположное; они говорят: «Что-нибудь лучше, чем ничего. Делай что-нибудь!»

Одна женщина говорит другой:

– Я слышала, что твой сын стал саньясином. Он медитирует?

Другая женщина отвечает:

– Это лучше, чем ничего не делать.

Бедная женщина не знает, что такое медитация. Медитация означает ничегонеделание. Именно этому я вас здесь учу: ничего не делать, просто сидеть, просто быть.

Зачем такая спешка? Вы действительно пытаетесь куда-то добраться? Вам известны цель, место назначения?

Пилот говорит пассажирам:

– Все двигатели нашего авиалайнера исправны, все системы работают превосходно. Есть лишь одна плохая новость, в остальном же все хорошо. Плохая новость заключается в том, что мы потеряли связь с землей и поэтому не знаем, где мы и куда движемся. Хорошая новость состоит в том, что мы движемся полным ходом!

Все движутся полным ходом – это хорошая новость. Кто-нибудь задумывается, куда? У кого есть время подумать, куда он движется? Когда вы видите, что весь мир куда-то спешит, вы начинаете спешить. Мы принуждаем детей бежать. Именно на это рассчитана вся наша система образования – от начальной школы до университета. Двадцать пять лет – почти целую треть жизни – мы тратим на то, чтобы научить каждого человека спешить. Потом оказывается, что все двадцать четыре часа в сутках у него – час пик! Его никогда нигде нет – ни на мгновение. Он не может увидеть красоту деревьев, потому что он не может сидеть под деревьями – Будда, должно быть, знал красоту деревьев. Человек не может увидеть красоту звезд, не может увидеть красоту людей. В действительности, когда он в Кабуле, он спешит в Катманду, когда он в Катманду, он спешит в Пуну, когда он в Пуне, он спешит в Гоа! Его никогда нет там, где он находится; ум всегда его опережает, планируя, как добраться куда-нибудь. И если вы спросите его: «Зачем?» – он скажет: «Мы будем наслаждаться!» Но он не наслаждается этим моментом – как он может наслаждаться любым другим моментом? Он потерял всякую способность наслаждаться *здесь-и-сейчас*; единственное его наслаждение – планирование, постоянное планирование, планирование наслаждения.

Есть люди, которые всю свою жизнь работают и только ждут выхода на пенсию; тогда они смогут расслабиться и получить удовольствие. И они очень хорошо знают: шесть дней они работают в офисе и ждут седьмого дня, выходного. Они надеются: «Скоро наступит воскресенье, и мы сможем расслабиться и насладиться жизнью». Но они не могут расслабляться, не могут наслаждаться – в действительности, выходные кажутся им такими долгими и такими скучными; им приходится чем-нибудь их заполнять.

Они едут на пикник. Теперь они мчатся к месту пикника, удаленному на много миль, чтобы съесть те же самые продукты, которые они могли бы спокойно съесть дома. Они сидят на траве, а муравьи очень умные; они отлично знают, где расположены места для пикников. Их астрологи говорят им: «Вперед! Вот это место!» И комары – они всегда на месте и поджидают вас. Они говорят: «Привет! Вот вы и приехали!» И тогда люди быстро все заканчивают, потому что им нужно добраться домой, и они спешат, и автомобили движутся бампер к бамперу. По воскресеньям происходит гораздо больше аварий, случается гораздо больше смертей на дорогах, чем в любой другой день. Какой-то странный отдых!

И весь город выезжает на одно и то же место для пикника, на один и тот же пляж... Я видел фотографии пляжей и не мог поверить в происходящее. Там нет места, даже чтобы пройти! Там так много людей – ни на одной рыночной площади нет такого количества народа. И там собираются дураки всех видов. Им требуется шесть часов – шесть часов, чтобы добраться до пляжа, затем в течение часа они лежат под солнцем среди всей этой массы дураков, а после этого возвращаются домой. И всю дорогу они ругаются с женами, а жены ругаются с ними... Гораздо проще заниматься этим дома, расслабившись в кресле, – ворчите друг на друга, делайте все, что хотите! Какой смысл ехать на пляж? Никто не видит моря, никто не видит солнца. Ни у кого нет времени.

И эти же самые люди думают, что когда они выйдут на пенсию, они будут отдыхать, – они не смогут. Шестидесять лет привычек – как их отбросить? Невозможно: привычки настолько глубоко укоренились, что люди, выйдя на пенсию, страдают гораздо больше, чем когда-либо, потому что никто не знает, как отдыхать, как расслабляться. Это полнейшее безумие!

И эти люди продолжают говорить красивые вещи. Они говорят: «Время – деньги». У них есть красивые поговорки, чтобы свести вас с ума: «Время – деньги, поэтому берегите время». И все смотрят на часы – как будто они куда-то опаздывают. Они должны куда-то попасть, но и там они будут делать то же самое. Если поезд на пять минут опаздывает, все выражают недовольство, все сердятся.

Я двадцать лет путешествовал по всей стране, и меня это удивляло. Если поезд опаздывает всего лишь на час, все очень сердятся, осуждают правительство, общество и все, что угодно. Почему бы вам не отдохнуть? Если поезд опаздывает на час, это замечательная возможность. Один час ваш – вы можете отдохнуть. У вас, по крайней мере, есть оправдание: «Поезд опаздывал, что было делать? Ну я и отдохнул, расслабился». Но нет, они не могут, они все больше и больше кипятятся, они начинают изрыгать огонь.

И эти же самые люди, когда вернутся домой, будут пять часов сидеть перед ящиком для идиотов – перед телевизором. Средний американец занимается этим пять часов в день. Америке угрожает серьезная опасность из-за этого ящика для идиотов. Если вы пять часов смотрите ящик для идиотов, это оказывает гипнотическое действие – вы обязательно станете идиотом! Только идиот может пять часов смотреть ящик. Они приклеены к своим креслам, они не могут встать. Я слышал, что они принимают пищу, прямо сидя перед телевизором. Мало того, они даже занимаются любовью прямо перед телевизором, чтобы можно было убить двух зайцев – заняться любовью и посмотреть телевизор; иначе можно ведь что-то пропустить!

Сейчас эти идиоты составляют большинство. Они будут играть в карты, и если вы спросите их, зачем, они ответят: «Убиваем время». Поезд опаздывает на минуту – они сердятся, и что они потом делают с сэкономленным временем? Они его убивают! Идут в кино, убивают время – иногда идут, чтобы еще раз посмотреть тот же самый фильм... Глупость, похоже, бесконечна. Ну а теперь-то зачем вы туда идете – на тот же самый фильм? Но необходимо убить время.

Они пойдут в Ротари-клуб, Лайонз-клуб. Все эти клубы существуют для того, чтобы люди убивали время: встречались с такими же дураками, говорили одни и те же глупости, сплетничали об одной и той же старой ерунде. Они пойдут в рестораны, в отели, на вечеринки, чтобы убить время.

И посмотрите на их лица – им везде скучно. Что бы они ни делали, они скучают, очевидно, потому, что они в этом не присутствуют. Они пытаются поскорее все закончить, чтобы сберечь время, а затем им приходится убивать это время. Убить время, сберечь время, убить время, сберечь время... Вся жизнь прошла! С пустыми руками вы приходите в этот мир, с пустыми руками вы и уходите.

Иди безмятежно среди шума и суеты и помни, что в тишине может быть покой.

Единственное, о чем стоит вспоминать снова и снова, это «что в тишине может быть покой». Уделяйте немного времени, энергии моментам тишины, потому что только в моменты тишины вы узнаете, что такое покой. И человек, который познал покой, богат, невероятно богат – все остальные просто нищие, – потому что он начал узнавать внутреннее царство Божье. Покой – это дверь во внутреннее царство Божье. Тишина помогает вам узнать покой, а покой приводит вас к Богу.

Насколько возможно, без уступки, будь в ладу со всеми людьми.

Просто чтобы избежать ненужных неприятностей.

Насколько возможно, без уступки...

Не идите на компромиссы, не подчиняйтесь людям. Вот почему в *Дезидератах* сказано: «насколько возможно» – без каких-либо компромиссов, – потому что, если вы пойдете на ком-

промисс с мнением масс, вы никогда не сможете стать тем, чем вам предназначено стать. Вы останетесь неповзрослевшими, вы будете отставать в своем развитии. Вы никогда не расцветете, вы никогда не узнаете, что значит быть плодотворным. Ваша жизнь будет бесплодной, нетворческой.

Насколько возможно, без уступки...

Так что следует запомнить две вещи. Не уступайте мнению масс; но это не означает, что нужно непрерывно сражаться с людьми, что по любому поводу нужно спорить – делая это, вы будете лишь напрасно тратить время.

Будьте точно посередине. Не идя на компромисс, избегайте ненужных споров. «Будь в ладу со всеми людьми...», насколько это возможно... Не продавая душу, ни на каких условиях не соглашаясь на компромисс, никоим образом не подчиняясь. Но есть множество вещей, которых можно избежать. На самом деле, в девяноста девяти процентах случаев, проблем, которые приводят к столкновениям, спорам, можно избежать.

Ребенок спрашивает вас: «Папа, можно я пойду поиграю на улице?» – и почти все папы немедленно отвечают: «Нет!» И начинается ссора. Все дети знают, насколько велико ваше терпение. Они будут топтать перед вами ногами, они устроят истерику, они будут плакать, они начнут швыряться игрушками, рвать свои книги. И в конце концов вы скажете: «Ладно, иди, играй на улице!» Вы могли сделать это раньше, вы могли бы сказать «да», потому что в этом не было бы ничего неправильного, но почему-то все наше воспитание учит нас возражать, спорить.

Жена говорит: «Нам нужно сходить посмотреть этот фильм», – и муж немедленно возражает: «Нет, не стоит на него идти. Нам нужно пойти на другой». И муж отлично знает, и жена отлично знает, что когда жена сказала, она *сказала*, – это придется сделать. Но сначала, прежде чем это будет сделано, несколько часов будут идти споры, препирание, к тому же и муж, и жена припомнят свои старые обиды, а этого можно было бы избежать. В конце концов вы увидите, что муж сопровождает жену на тот самый фильм; просто, поджав хвост, следует за женой. И раз вы идете на тот самый фильм, к чему был весь этот шум?

Похоже, мы ничему не учимся. Просто наблюдайте, и вы сможете избавиться в своей жизни от множества несущественных вещей. Само слово «дезидераты» прекрасно: оно означает «существенное».

Махавира сказал, что самое основное качество, которое нужно ищущему, это способность понимать, что существенно, а что несущественно. Он называет это *вивек*, «различение», потому что, если вы не знаете, что существенно, а что несущественно, вы можете затеряться в несущественном, так как несущественное составляет девяносто девять процентов, а существенное – только один процент. Несущественное – это огромные густые джунгли; если вы потерялись в них, вы можете никогда не найти существенного. И люди всеми способами запутываются в несущественном.

Просто посмотрите, скольких вещей можно избежать и не идти при этом на компромисс, и избегайте их; посмотрите, скольких слов можно избежать без каких-либо затруднений, и избегайте их, потому что каждое произнесенное слово может принести вам какие-то неприятности. Действительно: что, кроме слов, приносит вам неприятности?

Вы что-нибудь говорите, а жена вскакивает и спрашивает: «Почему ты это говоришь?» Вы объясняете: «Я не это имел в виду», но теперь уже невозможно к чему-либо прийти. Скоро последует хлопанье дверьми, швыряние кастрюлями и подушками. А вы просто произнесли слово, которое можно было оставить внутри, которое было необязательно произносить. Всего одно слово может причинить столько неприятностей, а ведь оно было совсем не существенным. Если оно существенно, произнесите его, скажите его; если же нет, храните молчание.

Говори свою правду спокойно и ясно и слушай других, даже глупца и невежду; у них тоже есть своя история.

Человек, который ищет истину, учится слушать не только мудрого, он учится слушать даже немудрого – или инакомудрого, – потому что у каждого есть история, которую он может рассказать; каждый прожил какую-то жизнь, и что-то в этой жизни может оказаться для вас невероятно полезным, может привести вас к озарению.

Понимание своей собственной жизни легче получить, наблюдая за окружающими, потому что окружающие подобны зеркалам. Каждый из окружающих вас людей – это ходячее зеркало. Если вы способны слушать, вы увидите, что в них отражаются некоторые из ваших собственных качеств, которые вы не смогли осознать непосредственно, но немедленно осознаете с помощью других. Для вас проще увидеть глупость другого человека, чем вашу собственную глупость. Но, видя чужую глупость, вы осознаете: «Я сам делаю то же самое. Я сам продолжаю делать эту глупость снова и снова».

Когда кто-то другой рассержен, вы говорите, что он ненормальный. Легко увидеть, что он ненормальный; это кратковременное помешательство. Но как часто сердитесь вы сами? В такие моменты вы настолько вовлечены в гнев, что не можете его наблюдать. Наблюдение за другими – это способ наблюдения за собой, и он проще, потому что вы не вовлечены.

Вот почему становится возможной одна очень странная вещь: психотерапевт помогает своему пациенту, но не может помочь самому себе; он с легкостью может увидеть ошибки пациента, но не может увидеть свои собственные. Он может дать пациенту хороший совет; сам же он может оказаться не в состоянии следовать этому совету.

Понаблюдайте за этим. Каждый дает прекрасные советы другим; когда же дело доходит до его собственной жизни, он такой же дурак, как и все остальные. Наблюдая, слушая, обращая внимание, многому можно научиться даже у тех, кто невежествен, – потому что вы тоже невежественны; даже у тех, кто глуп, – потому что вы тоже не очень разумны. И это станет началом разумности, началом мудрости.

Разумный человек – это тот, кто учится при любой благоприятной возможности, кто не упускает ни одной возможности чему-нибудь научиться, кто превращает всю свою жизнь в школу, в обучение, в тренировку, в поиск, в исследование.

Но помните о том, что вы не должны идти на компромиссы, не должны уступать. В том, что касается существенного, будьте внимательны. Даже если вам придется рискнуть своей жизнью, рискуйте, но не уступайте, когда речь идет о чем-то существенном. Что же касается несущественного, то не теряйте понапрасну ни минуты – соглашайтесь.

Я заключил со своим отцом одно соглашение. Когда я был еще совсем маленьким, я сказал ему: «Послушай, я буду соглашаться со всем несущественным. Ты можешь указывать мне, какую носить одежду, какие ботинки, что есть, чего не есть, – это ты можешь мне указывать. Но если речь пойдет о чем-то существенном, берегись – я не собираюсь с этим соглашаться».

Наблюдая за мной, он это принял, потому что всякий раз, когда вопрос был несущественным, я всегда был готов с ним согласиться. Он говорил: «Иди в этот колледж, а не в тот». Что ж... «Хорошо, потому что для меня каждый колледж похож на любой другой – они все дурацкие, поэтому это неважно. Я пойду в этот колледж». – «Изучай этот предмет». – «Хорошо, потому что какое это имеет значение? Экономика или политика, история или география, философия или психология – подойдет все, что угодно».

Но когда речь заходила о чем-то существенном, я говорил ему: «Это существенный пункт, я не соглашусь с тобой, поэтому лучше бы тебе ничего об этом не говорить, чтобы не причинять себе ненужных страданий».

Когда я вернулся из университета, он, естественно, спросил меня, хочу я жениться или нет. Я сказал ему: «Это существенно», – и это был последний раз, когда он спросил о женитьбе; он больше никогда не спрашивал. «Если это существенно, то тебе придется оставить это мне – я не пойду на компромисс. Я не пойду на компромисс ни на каких условиях». Он больше

никогда не спрашивал, он соблюдал условия соглашения. «О несущественных вещах, – сказал я ему, – ты можешь говорить мне все что угодно – я это сделаю».

Любой дурак мог прийти в дом, и он говорил: «Коснись его стоп», – и я касался, потому что это был старый дурак, старый родственник. «Хорошо, это не имеет значения, это просто упражнение».

Как только у вас появляется полная ясность относительно того, что существенно и что несущественно, оказывается, что все не настолько запутано, как кажется. Вы продолжаете сражаться за несущественные вещи, тратите свою и чужую энергию, а потом, когда возникает вопрос о существенном, вам уже не хватает энергии для борьбы. В таком случае вам иногда приходится идти на компромисс по поводу существенного.

Таков мой подход.

Насколько возможно, без уступки, будь в ладу со всеми людьми.

Но – *насколько возможно...* Это не означает, что я должен быть в хороших отношениях безоговорочно. Я в ладу со всеми, но *насколько возможно*. Всякий раз, когда речь заходит о существенном, вопрос не в том, чтобы быть хорошим или плохим; это вопрос жизни и смерти. Тогда я могу взбунтоваться, тогда я могу дать отпор, тогда я могу пожертвовать всем.

И совет, который дают *Дезидераты*, имеет огромное значение для всех, кто хочет обнаружить истину, потому что само это обнаружение требует огромной энергии. Только тогда, когда вы становитесь источником энергии, у вас появляется возможность знать, быть, прийти к предельному пониманию тайны жизни.

На сегодня достаточно.

Глава 2

Блаженство – это следствие

Первый Вопрос:

Ошо,

Можешь ли ты рассказать нам побольше о существенном?

Человек – это также и семя, возможность, потенциал, надежда, обещание. Но семя – это еще не цветок. В своем существе у него есть способность расцвести миллионами цветов – но не в реальности. Эти цветы должны быть воплощены в реальности. Существенное – это то, с чем вы рождены; это самая ваша суть.

Именно в этом состоит, или должна состоять, цель образования: помочь вам искать существенное, помочь вам вырастить его. Слово «образование» (*education*) означает «извлекать»: то, что внутри, должно быть извлечено наружу, – точно так же, как вы извлекаете воду из колодца. Но что-то в самой основе пошло не так: вся система образования делает в точности противоположное этому. Вместо того чтобы что-то из вас извлекать, она очень многое вам навязывает.

То, что вам навязывают, является несущественным; оно создает вашу личность. Существенное – это ваша индивидуальность, несущественное – это ваша личность. Иными словами, существенное – это сама ваша душа, ваша суть; несущественное – это ваше эго. Все, что помогает эго, является несущественным; все, что помогает вам освободиться от эго, – существенно. Амбиция – это несущественное, жадность – это несущественное, желание, любой вид желания – это несущественное.

Медитативность – это существенное. Быть безмолвным, быть спокойным, просто быть бдительным, осознающим – это первый шаг, дверь в существенное. И однажды, когда вы в глубокое, полное безмолвие обнаруживаете то, чем вам предопределено быть, вы находите свое предназначение. И тогда в жизни появляется ощущение направления, не навязанного другими, но открытого вами самими.

Задача мастера – образовательная; не информационная, но образовательная – образовательная в первоначальном смысле этого слова. Он не будет формировать у вас некий характер, потому что это то, что навязывается. Он не будет делать из вас христианина, или индуса, или буддиста. Он должен помочь вам узнать, кем вы можете быть, потому что тем, кем вы можете быть, вы уже являетесь в своем существе, в потенциале. Вы можете быть Христом, вы можете быть Буддой, вы можете быть Кришной – но вы не можете быть христианином; христианство – это нечто, навязанное извне. Вы не можете быть индусом. Никто не рождается индусом, ни у кого нет предназначения быть индусом; это попытки других людей увести вас с пути вашего предназначения. Никто не рождается, чтобы быть коммунистом или фашистом, но каждый рождается с неким направлением, в котором он найдет свою реализацию.

Может быть, вы художник, но в обществе вы функционируете как врач. Всю свою жизнь вы будете оставаться нереализовавшимся человеком, так как прислушивались к своим родителям и обществу, к своей жадности и амбициям. Все говорили: «Будь врачом. Это хорошая, уважаемая профессия, и ты сможешь зарабатывать больше денег, чем если бы ты стал художником». Кто знает? Художник может вообще быть не в состоянии зарабатывать деньги, поскольку живопись – это нечто, что не имеет никакого утилитарного назначения. И, став художником, вы можете остаться нищим. Вы можете не стать знаменитым, потому что художники не становятся знаменитыми – только изредка.

Если вы музыкант, поэт, вы не сможете реализовать амбиции ваших родителей, вашего общества, всех доброжелателей.

Но одно несомненно: вы будете невообразимо счастливы, независимо от того, будете вы известны или неизвестны, будете вы богаты или бедны. Вы будете ощущать огромное удовлетворение, так как реализуется что-то очень важное в глубочайшей сердцевине вашего существования. До тех пор пока вы не начнете двигаться в направлении того, что является для вас существенным, вы будете оставаться несчастными.

Блаженство – это следствие, побочный продукт. Всякий раз, когда река начинает двигаться к океану, возникает блаженство. Никто не знает, что скрыто внутри вас. Вам не поможет астролог, вам не поможет хиромант. Иначе, чем в глубокой медитации, вы не сможете ощутить, что для вас является возможным.

Насколько я вижу, почти никто не находится на своем месте. Человек, который мог бы стать очень счастливым врачом, оказывается художником, а человек, который мог бы стать очень счастливым художником, оказывается врачом. Похоже, никто не находится на своем месте; вот почему все наше общество пребывает в таком беспорядке. Человека направляют другие люди, его не направляет собственная интуиция.

Медитация помогает вам развивать свой собственный интуитивный дар. Вам становится очень ясно, что будет способствовать вашей реализации, что поможет вашему цветению. Что бы это ни было – для каждой индивидуальности это что-то свое... Таков смысл слова «индивидуальность»: каждый уникален. И искать свою уникальность – это захватывающее, великое приключение.

То, о чем ты спрашиваешь, важно также и во многих других отношениях. Это не только вопрос обнаружения существенного в индивидуальности. В жизни, в каждом ее измерении, в религии мы также обременены несущественным.

Религиозный человек постоянно совершает определенные ритуалы, которым его научили другие. Он никогда не находит свою собственную религиозность – качество, которое не может быть вам навязано, качество, которому можно только помочь в вас вырасти. Это не тот пластиковый цветок, который может быть дан вам кем-то, скажем, священником. Это настоящий цветок розы, и для того, чтобы он вырос, вы должны быть очень бдительными, очень осознанными.

Христианин каждое воскресенье ходит в церковь. Это формальность, это не делает его религиозным, но дает ему фальшивое чувство религиозности. Индус постоянно декламирует Гиту. Это совсем не делает его религиозным, напротив, это мешает ему, так как, декламируя наизусть Гиту, он становится очень знающим. Он становится попугаем или компьютером. Он может процитировать по памяти всю Гиту, но он ничего не понимает, поскольку сам он ничего не испытал. Он знает слова, но он не сталкивался со смыслом этих слов. Люди продолжают имитировать.

Например, Махавира жил обнаженным; такова была его индивидуальность. Никто не предполагает и не ожидает, что кто-либо еще будет жить обнаженным, только если это не придет к нему как внутреннее, интуитивное видение, если он не обнаружит, что для него это единственный способ быть подлинным по отношению к самому себе. Тогда это другое дело. Но джайнские *муни*, джайнские монахи, практикуют наготу – это всего лишь имитация, копирование. И помните, имитация всегда уродлива, потому что она создает фальшивую личность, она никогда не дает вам подлинности.

Махавира был обнаженным не потому, что кто-то велел ему быть обнаженным. Он почувствовал сильное побуждение быть совсем как ребенок, он последовал своему побуждению, и он страдал из-за своего побуждения. Его гнали из одной деревни в другую, его травили бешеными собаками, его избивали камнями – люди думали, что он разрушает их мораль, что он опасный человек.

В такой ортодоксальной стране, какой двадцать пять веков назад была Индия, человек, разгуливающий обнаженным, несомненно, вызывал у людей раздражение, нарушал их обычный порядок жизни, их традиционный стиль мышления. Кришна не жил обнаженным, Рама не жил обнаженным, ни один индуистский *аватара* не жил обнаженным. Махавира разрушал всю традицию, культуру, религию. Конечно же, его следовало наказывать.

Но он был невероятно счастлив. Джайнский муни совершенно не кажется счастливым, так как он является просто подражателем. На самом деле он подвергает себя пытке, принуждает себя быть обнаженным, потому что в его уме возникло корыстное желание: если он не будет выглядеть как Махавира, он не достигнет окончательного освобождения.

Итак, обнаженность стала чем-то существенным – но это не так. Обнаженность не является чем-то существенным. Будда достиг, не будучи обнаженным, Иисус достиг, не будучи обнаженным, вы можете достичь. И я не говорю, что Махавира не достиг из-за того, что был обнаженным, – он достиг. Но это индивидуальные вещи.

Буддийские монахи продолжают следовать Будде. Они сидят таким же образом, они разговаривают таким же образом, они ведут себя таким же образом. Это никак не поможет. Это не сделает вас религиозными. Это не сделает вас еще одним Буддой. Вы просто глупы. И чем вы глупее, тем лучше вам удастся подражать, потому что для подражания не нужно быть умным. В действительности, только заурядный ум может быть подражающим. Чем вы разумнее, тем больше вы хотите быть просто самими собой – какими бы вы ни были. Тогда все остальное несущественно. Для Будды существенным было сидеть определенным образом, таково его интуитивное ощущение.

Когда Будда отбросил представления, навязанные ему другими, последователи покинули его. У него было пять последователей – прежде чем он стал очень знаменитым, у него было лишь пять последователей; это до того, как он стал просветленным. Эти пять последователей были очень ему преданы по той простой причине, что он вел себя точно так же, как любой другой индуистский аскет, только с еще большим упорством выполняя всевозможные аскетические практики, следуя всевозможным правилам и нормам, описанным в священных писаниях. Он придавал этому столько значения, что эти пять последователей думали, что он величайший мастер.

Затем однажды он понял всю глупость этого: он не следует своей собственной разумности, он просто следует за другими, которые, может быть, правы, а может быть, и неправы. Одно несомненно: это люди другого типа, а он не относится к этому типу. Он страдал, но он думал, что страдать необходимо, что эта боль необходима для роста.

В тот день, когда он это понял, он отбросил все аскетические практики, он расслабился. Это был первый раз, когда он ел ночью и ел пищу, предложенную женщиной из касты неприкасаемых. Все пять последователей немедленно его покинули, думая, что он сбился с пути. Во-первых, есть ночью неправильно; во-вторых, пища, предложенная неприкасаемой, бедной женщиной, неприемлема для святого человека. Он больше не был святым.

И в ту самую ночь Будда стал просветленным. Эти пять дураков упустили его просветление. В ту самую ночь он стал просветленным, и он стал просветленным по той простой причине, что он в первый раз расслабился в своем существе и просто прислушался к своей сокровенной сердцевине.

Несущественное разрушило все религии. Несущественное разрушило всю вашу жизнь. Но никто другой не может решить за вас, что существенно, а что несущественно.

Запомните: я не могу сказать точно: «Это существенно, а это несущественно». Каждая индивидуальность должна это открыть. Каждая индивидуальность должна быть светом для самой себя.

Все, что я могу предложить, – это стать безмолвными, и тогда вы сможете слышать пока еще тихий голос вашего сердца. А оно говорит всегда; просто вы такие шумные, что продолжаете упускать его послание.

Второй вопрос:

Ошо,

Говорят, что Дварка, шанкарачарья Шардапита, сказал, что твои идеи относительно духовности не соответствуют Санатан Дхарме, которая придает огромную важность самоконтролю и предписывает правила поведения, изложенные в древних писаниях. Шанкарачарья также заметил, что, куда бы ни переехали ты и твой ашрам, это испортит духовную атмосферу того места.

Ошо, это, возможно, случилось впервые, когда этот шанкарачарья открыто критиковал тебя и ашрам. Не будешь ли ты так любезен сказать что-нибудь?

В каком-то смысле этот шанкарачарья прав: я не соответствую его идеям о духовности. Почему я вообще должен соответствовать чьим-то идеям о духовности? На самом деле, духовность – это не идеология. Она не имеет ничего общего с идеями. Это состояние не-ума – как оно может быть идеологией? У этого шанкарачарьи нет никакого опыта медитации, в противном случае он бы так не говорил.

Духовность означает, что вы просто вышли за пределы ума, и в этой трансценденции¹ превзойдены все идеи: индуистские, мусульманские, христианские, коммунистические – все идеи. Идеи превзойдены как таковые. Есть лишь безмолвие, а два безмолвия ничем не отличаются. Они как два нуля. Какое может быть различие?

Будда в своей глубокой медитации не отличается от Махавиры. Махавира в своей глубокой медитации не отличается от Заратустры. Заратустра в своей глубокой медитации не отличается от Лао-цзы. И я называю *это* Санатан Дхармой.

Слово *санатан* означает «вечный», а *дхарма* означает Дао, закон, высший закон. *Аес дхаммо санантано*. Будда повторяет это снова и снова: это вечный закон жизни. Но шанкарачарья под Санатан Дхармой подразумевает религию индуизма. Индусы думают, что их религия является вечной религией. Это полная чушь.

Религиозность вечна, но никакая религия не бывает вечной. Каждая религия рождается и умирает в свое время. Нет религии, у которой не было бы начала, и нет религии, у которой не было бы конца. Все, что родилось во времени, рано или поздно должно умереть, и хорошо, что оно умирает, потому что это создает пространство для рождения чего-то нового. Санатан Дхарма – вечная религия – не может быть отождествлена ни с одной конкретной религией.

Джайны верят, что их религия гораздо старше, чем религия индусов, и, возможно, она действительно гораздо старше, поскольку их первый *тирханкара*, Адинатха, с большим уважением упоминается в Риг Веде, первом индуистском священном писании. Это указывает на две вещи: что Адинатха, должно быть, уже был авторитетным, признанным духовным лидером; вероятно, он жил раньше, чем появилась Риг Веда, а Риг Веда – это самое древнее писание у индусов. Джайны говорят, что их религия гораздо древнее, но «более древняя» не значит «вечная».

На земле существовали и умирали тысячи религий, и, когда они были живы, у них были миллионы последователей, но сейчас они полностью исчезли. Исчезли последователи, исчезли священники, исчезли их боги. Когда они были живы, они тоже думали, что они вечны. Но все, что происходит во времени, всегда умирает; ничто не может быть вечным во времени.

---

¹ Трансценденция – выход за пределы. – Здесь и далее примеч. ред.

Смысл, который я вкладываю в Санатан Дхарму, вечную религию, заключается в том, что вечна религиозность. Например, жизнь вечна – люди приходят и уходят. Нас не было здесь несколько лет назад, и нас не будет здесь через несколько лет, но *люди* здесь были и будут. Жизнь будет продолжаться, формы будут исчезать и появляться, но то, что появляется и исчезает, то, что временами становится проявленным, а временами непроявленным, является вечным. Это – религиозность.

Иисус становится Христом благодаря этой религиозности. Будда становится Буддой – просветленным – благодаря этой религиозности. Религиозность не может быть отождествлена с индуизмом.

Шанкарачарья прав: если Санатан Дхарма означает индуизм, то я не могу соответствовать его идеям. Но если Санатан Дхарма означает вечную религиозность, тогда вопроса о соответствии не возникает – я живу этим, я *и есть* это. И все мои усилия здесь направлены на то, чтобы помочь вам быть *религиозными* – ни индусами, ни христианами, ни мусульманами, ни джайнами.

Возможно, что сейчас это единственное во всем мире место, где все религии встречаются и сливаются в новый вид религиозности, в совершенно иное качество. Никого здесь не заботит, христианин вы или парс, даос или буддист, потому что мы нашли источник. А раз вы знаете источник, не имеет значения, с какого берега вы пьете, каким ведром вы черпаете воду из этого источника. Ведро несущественно, существенна вода. Мы нашли вечную религию: она может быть только религиозностью, качеством, ароматом.

Смысл, который я вкладываю в Санатан Дхарму, полностью отличается от того смысла, который вкладывает в нее шанкарачарья. Шанкарачарья Шардапита, Дварка, просто представляет традицию, обычай, который уже мертв. Все традиции мертвы.

То, что представляю я, является живым опытом.

Шанкарачарья – лишь подражатель Ади Шанкарачарьи, первого шанкарачарьи. Прошла тысяча лет. У первого шанкарачарьи был такой опыт; ну а *этот* шанкарачарья – всего лишь священник. Именно эти люди разрушают духовность, но они будут осуждать меня, они будут критиковать меня, потому что я не соответствую их глупым идеям о духовности. Насколько я вижу, их духовность – не более чем притворство. Они постоянно говорят одно и при этом делают прямо противоположное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.